

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни/ Пер. с англ. и вступ. Статья А.Д. Ковалева. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304с.
2. Михайлова Е.В. Обучение самопрезентации [Текст] [Учебное пособие] / Е. В. Михайлова. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 168 с.
3. Пашина А.В. Самопрезентация на занятиях по английскому языку в техническом вузе // Общество: социология, психология, педагогика, 2016. – №6.
4. Пикулева О.А. Психология самопрезентации личности: гендерные и возрастные аспекты // Психологическая наука и образование, 2013, №4. – С.37 - 44.
5. Ращупкина К.С. Основные составляющие стратегии самопрезентации в учебном дискурсе [Электронный ресурс] // К. С. Ращупкина // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2015. – № 4. – ISSN 1999 - 8406; Гос. рег. № 0421200038. Идентификационный номер 0421200038\XXXX. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru> – (0,2 п.л.)
6. Соколова-Бауш Е.А. Самопрезентация как фактор формирования впечатления о коммуникаторе // Психология XXI века: (Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции «Психология XXI века») / Под ред. А.А. Крылова. – СПб.: Издательство С. – Петербургского университета, 1999. – С.91 - 92.
7. Шкуратова И.П. Самовыражение личности в общении // Психология личности. Под ред. П.Н. Ермакова и В.А. Лабунской [Учебное пособие] – М.: ЭКСМО, 2007. – С.241 - 265.
8. Hargie Owen and Dickson David. Skilled interpersonal communication. Research, theory and practice. Fourth edition. – Routledge. Taylor&Francis Group, London and New-York, 2005. – 554p.

ЛАТИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА

РЕДЬКОВА И.С.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский Технологический Университет», г. Москва

В данной статье рассматриваются проблемы возникновения и распространения латинских переводов Библии как лингвистический феномен, которые предопределил социокультурное развитие западной цивилизации.

Ключевые слова: Библия, старолатинские переводы, Августин, Иероним

THE LATIN TRANSLATIONS OF THE BIBLE AS A LINGUISTIC AND SOCIAL PHENOMENON OF THE WESTERN MEDIEVAL CIVILIZATION

DR. IRINA S. REDKOVA

The article explores the emergence and the spread of the Latin translations of the Bible as a linguistic phenomenon, that determined the social and cultural development of the western Europe.

Keywords: Bible, Vetul Latina, Augustinus, Jerome

Любой древний текст нуждается в толковании, но если речь идет о священном тексте, то его интерпретация обретает совершенно новые измерения. Хотя сам текст был и остается неизменным, по мере того как он переводится на другие языки, меняются адресаты, контексты и даже культурные коды.

Священным текстом, определившим облик европейской цивилизации, стала Библия. Христианство и латинская Библия в значительной мере сформировали культуру средневекового Запада, заложили этические, культурные, социальные и даже политические основы европейской цивилизации. Истоков, аллегорически, библейские образы эпохи Античности становятся в Средневековье символами совершенно других реалий и приобретают иногда совершенной другой смысл. Латинский язык Библии становится языком ученых и интеллектуалов эпохи раннего и высокого Средневековья, утверждая лингвокультурную среду авторов через осмысление новых реалий времени в старых понятиях.

В первые века нашей эры общепринятым текстом Библии для христианской церкви служила Септуагинта, а потому с нее были сделаны многочисленные переводы, отвечавшие нуждам церквей Запада и Востока. Септуагинта – это греческий перевод Ветхого Завета, выполненный в основном в Александрии. Когда христианство пустило корни в Риме в середине I века, оно развивалось преимущественно в среде культурной и деловой элиты, а также среди власть имущих, где греческий использовался охотнее, чем латынь. Греческий был языком культурного общения: он довольно долгое время оставался на позиции языка литературы, философии и религии. Образованные римляне, а также значительная часть населения в провинциях были билингвально, греческий и латынь оказывали огромное влияние друг на друга, пока латынь не стала доминирующим языком в западной части римской империи.

Во втором веке были сделаны первые фиксированные переводы Нового и Ветхого Заветов, которые были известны в Африке и Южной Галлии. Переводы старолатинской Библии выполнялись на основе Септуагинты, первые переводы делались устно, чаще всего – рабами-переводчиками или людьми низкого социального ранга, чьи имена никогда не упоминались – поскольку латинский текст такого перевода не рассматривался как богодухновенный, а был «техническим». Главным принципом была точность и верность греческому оригиналу, а также христианской пресуппозиции. Переводной характер Священного Писания, наличие нескольких разных версий перевода Ветхого и Нового Завета во многом определили особенности развития западной латинской экзегетики. Сам феномен перевода греческих текстов на латынь был известным и признанным явлением в традиции Античности, однако перевод священных текстов стал принципиально новым культурным явлением – это перенос совокупности священных смыслов, образующих замкнутый социокультурный мир, в языковые реальности другого. Результатом данного процесса стало формирование и развитие «церковной латыни». Новая вера требовала адекватных лингвистических средств для выражения своего учения. Первые латинские переводы Библии стали не только результатом рецепции христианского учения на Западе, но и его главным инструментом.

При переводе с греческого – Септуагинты и Нового Завета – на латынь ощущалась острая нехватка терминов, и многие греческие понятия, которые потом обрели огромное значение в истории церковных латинских текстов и жизни Церкви на Западе, были латинизированы, как, например, *apostolus*,

baptismus, blasphemus, diabolus, ecclesia, episcopus, eremus, laicus. Греческие слова в латинском обличье могли относиться как к конкретным таинствам – *eucharistia, baptismum*, так, например, и к иерархической структуре Церкви – *episcopus, presbyter, diaconus*.

Шел процесс не только заимствования и латинизации греческих слов и понятий, но также и семантическое смещение значений некоторых терминов. Значительно упрощалась грамматико-синтаксическая структура (например, отказ от классической конструкции *Accusativus cum Infinitivo* и применение зависимых предложений, вводимых союзными словами *quod, quia*). Язык первых переводов библейских текстов на латынь в целом согласуется с принятыми идиомами того времени из т.н. «вульгарной латыни». Это могло объясняться как низким образовательным уровнем переводчика, так и желанием достичь слуха и сердец аудитории, которая не была искушена в литературных изысках. Важным было и желание христиан отстраниться от языческого образования и классической риторики.

К III в. латынь уже становится языком Римской Церкви, однако и греческий еще остается действующим языком. Церковная латынь развивалась, в первую очередь, благодаря литургическому богослужению и самой религиозной практике. Первые переводы возникли в результате устной передачи во время службы и перевода *ad hoc*. Этим объясняются их различные лингвистические формы, а также более низкое качество латинских переводов Писания по сравнению с греческим текстом. Потребность в них возникала при утрате населением знания греческого, прежде всего, в отдаленных провинциях. Они были нужны для наставления верующих и проповеди. На этот период приходится огромное число фрагментарных переводов, бегло записанных и разного качества, которые передавались и копировались.

Различные «типы» текста развивались при коррекции перевода с греческого. Этот сложный комплекс материала, который дает фрагментарные, а порой и весьма противоречивые переводы старой латинской Библии, известен под названием *Vetus Latina*. Данным термином обозначается не какой-то один полный перевод Священного Писания на латынь, скорее, это удобное обозначение любого текста-формы Библии, независимой от Вульгаты Иеронима. Для этих текстов характерны локальное рецензирование, диалектическое копирование и постоянное текстуальное изменение, в том числе, через замену старых, местных переводов и вставкой глосс.

Потребность в стандартизации текста развивалась вместе с процессом формирования канона, а характер исправлений часто носил крайний буквализм. Этот метод противоречил общепринятой в то время практике перевода по смыслу – *sensum de sensu*. При переводе Библии в этой особой манере проявилась принципиально новая теория языка и теория перевода: книга, которую надлежало передать на латынь, содержит божественное откровение – слово божье. Значение имели не только каждое конкретное слово, но также и их порядок в предложении. Форма и содержание рассматривались как неделимое целое, а потому переводчик смиренно соглашался быть на «службе слов» и представлял передачу *verbum e verbo*.

Ошибки, а также некоторая свобода в изложении библейского текста в переводах *ad hoc* неизбежно содействовали появлению исправлений. Это, в свою очередь, способствовало развитию переводческой техники – через сравнение и добавление разных версий, учета различных аспектов экзегезы. Разночтения в передаче понимались не столько, как препятствия, сколько как раскрытие разных смыслов богодухновенного текста, дополняющих друг друга. Для того, чтобы яснее понять смысл текста, его следовало сличить с оригинальным текстом Писания, которым для христианских богословов III-V вв., в том числе, и Августина была Септуагинта. И даже если Септуагинта отличалась от еврейской Библии, то предпочтительным оставался греческий вариант, поскольку именно в таком виде он был воспринят апостолами и евангелистами. Более того, зная о расхождении между Септуагинтой и *Biblia Hebraica*, многие христианские богословы объясняли данный факт намеренным искажением со стороны евреев. К концу IV в. расхождения между бытовавшими версиями *Vetus Latina* и потребность в стандартизации текста стали настолько высоки, что папа Дамас в 382 г. дает поручение сверить латинский перевод Нового Завета с греческим текстом Иерониму, который в то время уже имел славу ученого.

Иероним попытался преодолеть негативный эффект, связанный с существованием различных вариантов *Vetus Latina*. Для этого он провел ревизию текста на основе оригеновских Гекзапл. Он жаловался, что иудеи потешаются над тем, что у христиан существует так много вариантов Священного Писания. Тогда же ему стал понятен и неопределенный характер греческой текстологической традиции, авторитетность которой становилась все более сомнительной для него. Перед Иеронимом очень остро встал вопрос, какой текст Библии (в частности, Ветхого Завета) следует считать богодухновенным: древнееврейский, сохранявшийся в иудейской традиции, или его греческие переводы, в том числе, и древний перевод «Семидесяти», с самого начала признанный христианской Церковью и легший в основу старолатинского перевода. Септуагинта и масоретский текст различаются в разных аспектах, но двум из них уделяют особое внимание – в Септуагинте большее количество книг, порядок книг в них разный, существуют и серьезные текстуальные разночтения: это и порядок глав внутри книги или порядок стихов внутри главы, краткие или более полные редакции текста, разность богословской суппозиции при переводе текста.

В прологе на Пятикнижие Иероним ставит под сомнение историю возникновения Септуагинты и проводит строгое различие между пророками и переводчиками. Обращение к еврейскому тексту Иероним подкреплял и тем, что и евангелисты, и апостолы также частично использовали еврейскую Библию, а потому апостольская легитимация не ограничивалась исключительно Септуагинтой.

Иероним постулировал принцип возвращения *ad fontes*, выдвинув концепцию *hebraica veritas* («еврейской истины»), предполагающую первичный авторитет оригинала Ветхого Завета, который, таким образом, становился главным критерием истинности при переводе и толковании

Священного Писания. Иногда Иероним пользовался существовавшей версией Ветхого Завета как базового текста для своего перевода, иногда он полностью перекладывал текст заново (*verbum e verbo*). Это было необходимо, когда и греческий, и латинский тексты были полностью испорчены.

Первоначально общественность в штыки восприняла новый перевод Иеронима: теологи не хотели отказываться от определенных топосов старолатинской версии, кроме того, ставилось под угрозу единство восточных и западных христиан и появились серьезные опасения возрастания еврейского влияния. Самым известным оппонентом концепции *hebraica veritas* был Августин, особенность позиции которого состояла в убежденности, что Септуагинта – это богодухновенный текст, созданный исключительно для христиан. Августин понимал, что существуют различия между еврейской библией и Септуагинтой, однако не предпочитал еврейское прочтение на том основании, что оно оригинально, подчеркивая ценность переведенного в том, что вдохновлялось святым духом и стало частью христианской истории спасения.

Кроме того, Августин отвергал *hebraica veritas*, поскольку отвергая греческий текст, ставилась под вопрос единство церкви и ее апостольская традиция. Но самой важной оппозицией была собственно концепция Иеронима *hebraica veritas*. Связывая еврейский текст с понятием *veritas*, Иероним утверждал, что «истину» можно идентифицировать с лингвистическим феноменом в целом и еврейским текстом в частности. Теория языка у Августина, а также представления об истине резко расходятся с представлениями Иеронима. Теория языка у Августина тесно связана с понятиями *res* и *signa*, где единственная настоящая *res* – это Бог, а *veritas* – это синоним и обозначение Бога. Язык, в свою очередь, относится к *signa* (знакам), а письменный язык – это не больше, чем «знак знака».

Августин разграничивает то, что называется словом (*verbum*), предшествовавшим разделению языков, и языковые знаки, позволяющие воспринять это слово. По Августину, мысль, сформированная на основе того, что уже известно, есть *verbum*, произнесенное в глубине души, а это слово не принадлежит ни одному языку. Понимание знака по Августину – это постижение смысла означаемой знаком (*signum*) вещи (*res*), не переход от знака к значению, а встреча с самой вещью, это понятие, что, словно мгновенная вспышка, озаряет душу, тогда как речь отличается от него длительностью и неторопливостью. Более того, пока она развертывается, представление успевает спрятаться в своем убежище. Тем не менее чудесным образом оно оставляет в памяти определенное количество отпечатков, которые сохраняются при произнесении слогов, и из этих самых отпечатков мы делаем звуковые знаки, называемые речью. Эта речь может быть латинской, греческой, еврейской или какой-другой, независимо от того, мыслятся ли знаки разумом или также и голосом. Но отпечатки – ни греческие, ни латинские, ни еврейские, собственно говоря, они не принадлежат никакому народу, но так отображаются в душе, как облик в теле. Теория знака, сформулированная Августином, оказала

принципиальное влияние на западное богословие, философию и науку – возникновение герменевтики и семиотики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Редькова И.С. Образ города в западноевропейской экзегетике XII века. Дисс. на соискание степени к.и.н. по специальности 07.00.03.- М., 2015. – 326 с.
2. Филиппов И.С. Библия и римское право: понятие права, закона и справедливости в Вульгате // Философия права Пятикнижия / Под ред. П.Д. Баренбойма. - М., 2012. - С. 320-367.

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ВЕДЕНИЕ ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

Т.Г.РОДИОНОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»

В статье рассматриваются теоретические аспекты невербальной коммуникации при проведении деловых переговоров. Анализируются жесты, расположение, стратегические позиции и другие аспекты, способствующие удачному проведению бизнес-переговоров.

Ключевые слова: *бизнес-переговоры, пунктуальность поведения, взаимодействие, стратегическая позиция, специфика разговора.*

NON-VERBAL COMMUNICATION. BUSINESS TALKS

T.G.RODIONOVA

In this article some theoretical aspects of non-verbal communication in business talks are being discussed. Different types of gestures, placement, strategic positions and other aspects are analysed which help to get successful results in business talks.

Key words: *business talks, punctual behavior, cooperation, strategic position, specific talks.*

Данная статья является продолжением анализа некоторых теоретических аспектов невербальной коммуникации [3,с.241-247; 4, с.191-194] . Сейчас более подробно рассмотрим особенности невербальной коммуникации при проведении деловых переговоров.

Взаимоотношения людей развертываются не только в пространстве, но и во времени. Как человек распоряжается чужим и своим временем, является важным социальным знаком. Уважение к другому человеку проявляется в повышенной точности, пунктуальности поведения. Заставить другого ждать - значит вольно или невольно заявить о своем праве распоряжаться ситуацией. Фактор времени очень значим в том обществе, в котором «время - деньги», поэтому важно не тратить время зря. В этом, в частности, и нужно искать исток пунктуальности у бизнесменов. Существуют правила взаимодействия, и их нужно знать и выполнять в зависимости от того, какое место за столом переговоров занимают участники общения. Вначале рассмотрим размещение участников переговоров в условиях рабочего кабинета за стандартным прямоугольным столом при четырех положениях вашего собеседника.